

12 июля 2010, 08:57

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ

Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс

Гораздо труднее увидеть проблему, чем найти решение. Для первого требуется воображение, для второго только умение.
Дж. Бернал

В основу этой статьи положена речь, которую я произнес на международном симпозиуме «Культура, культурные изменения и экономическое развитие». В этом симпозиуме принимали участие как российские, так и зарубежные ученые: экономисты, социологи и культурологи с мировыми именами, среди которых было несколько лауреатов Нобелевской премии. Конечно, для меня было откровением пообщаться с моими кумирами, я бы сказал, учителями в области культурологии – американцем Лоуренсом Харрисоном и аргентинцем Мариано Грондона. Я во многом сформировал свое понимание судьбы моей страны под влиянием их работ и, конечно, работ ушедшего от нас профессора Самуэля Хантингтона. Сам факт, что в Москве собрались выдающиеся ученые, чтобы обсудить влияние национального менталитета на экономическое и политическое развитие России событие выдающееся, и состоялось оно благодаря усилиям и настойчивости нашего замечательного экономиста, директора Высшей Школы Экономики – Евгения Ясина. Я дорожил своим присутствием на этом собрании хотя бы потому, знал, что смогу почерпнуть много мудрых мыслей, которые впоследствии буду выдавать за свои собственные.

Для того чтобы этот текст не вызвал недоумения и вопросов неподготовленного читателя, я переработал речь в статью и снабдил её дополнительными пояснениями. Начнем с названия конференции, ибо понятие «культура» воспринимается разными людьми по-разному. Что такое «культура»? Часто под этим понимают творения искусства и литературы или манеры воспитанного человека. Но это понятие имеет и другие, более глубокие смыслы. Французский социолог Алексис Де Токвиль в середине XIX-го века, изучая американскую ментальность, определил её словом «нравы». Он писал: «благодаря своим нравам народ может извлечь пользу даже из самых неблагоприятных климатических условий и самых скверных законов. Никакую конституцию не обеспечишь, если нравы населения этому сопротивляются» (Цитирую по памяти.)

Л. Харрисон провел 20 лет в странах Латинской Америки, пытаясь постигнуть причины столь медленного экономического и политического развития этих стран. Он писал: «Следует признать, что слово «культура» довольно расплывчато и многозначно, но если рассматривать те аспекты культуры, которые влияют на экономическое, политическое и социальное поведение народов, значение этого понятия делается более определенным. **Культура – это логически связанная система ценностей, установок и институтов, влияющих на все аспекты личного и коллективного поведения.**» Итак, культура – это система ценностей, убеждений, которые для человека данной культуры **обязательны**, культура – это этический код, это ментальность, нравы, это... Короче, в нашем обиходе мы чаще употребляем понятие «национальные особенности». Культура формируется под воздействием множества факторов – географии, пространства, религии, истории, размера популяции, климата и т.д. Процесс формирования любой национальной культуры, на мой взгляд, так же органичен и нетороплив, как процесс формирования экологической системы. Это та же стихия, в которой природа неторопливо творит, исходя из наслаивающихся друг на друга обстоятельств. И, конечно, так как мы имеем дело с «мыслящим тростником», религия имеет первостепенное значение в формировании этики и культуры данной нации.

Харрисону потребовалось много лет повседневной работы в Латинской Америке, чтобы оценить, какие ценности и установка иберийской культуры тормозят движение в сторону прогресса и экономического процветания. Он пришел к выводу, что некоторые

культуры не только сопротивляются прогрессу, но буквально душат его. (Он имел в виду Гаити). Харрисон решил установить, что представляют культурные силы, благоприятствующие или подавляющие развитие творческих способностей человека. Он открыл четыре фундаментальных фактора, определяющих, закрыта или открыта данная культура для новых веяний, инертна ли она или динамична:

1 – Радиус доверия. «Способность отождествлять себя с другими членами общества, сопереживать, радоваться успехам другого и огорчаться неудачам – вот что определяет доверие. В большинстве отсталых стран радиус доверия преимущественно ограничен семейным кругом. Все, что находится за пределами семьи, обычно вызывает чувство безразличия и даже враждебности. Для такого рода обществ обычно характерны непотизм и другие виды коррупции...»

Ничего не напоминает? Ни на что не похоже? Слушайте дальше...

2 – Жесткость морального кодекса.

Обычно источником системы этики и морали является религия. В иудо-христианской морали человек ответственен перед Богом за все свои деяния – будь то отношения к людям или к труду. Но в разных конфессиях мера ответственности различна. Более того, проступки и нарушения морали возможно или невозможно искупить. Отсюда в разных культурах индивидуальная ответственность личности очень разнится.

3 – Использование власти.

«В Латинской Америке власть традиционно воспринимается как лицензия, право на обогащение....Если кому-то этот стереотип покажется

оскорбительным и необоснованным, пусть он поразмышляет о том, почему типичный президент латиноамериканского государства покидает свои пост чрезвычайно богатым человеком...» Что-то знакомое, правда?

4 – Отношение к труду, новаторству, богатству.

В отсталых странах к труду относятся как к повинности. Работают, чтобы жить. В динамических – живут, чтобы работать.

Новаторство воспринимается как угроза установившейся стабильности, как ересь. Отношение к богатству определяется ложной концепцией, что богатство существует в неизменном количестве, и его только перераспределяют. Следовательно, экономическое процветание другого воспринимается как лишение тебя куска. Успех соседа – это угроза твоему благополучию. В динамической культуре богатство понимается как постоянно прирастающая величина, прирабатываемая трудом, и поэтому исключаящая сам феномен перераспределения.

Эти открытия Харрисона буквально потрясли меня лет десять назад, когда я впервые ознакомился с ними. Но еще больший восторг я испытал, когда Харрисон ознакомил меня с работами аргентинского социолога Грандона, которые самостоятельно разработал свою типологию культурных ценностей, укорененных в ментальности латиноамериканских крестьян. Он независимо пришел к выводам, во многом совпадающим с выводами Харрисона, и назвал свою систему «типология крестьянского сознания». Неудивительно, что этический код крестьянства, зародившийся на заре человеческой цивилизации, должен был быть общим для всех народов мира. Но впоследствии под воздействием самых разных обстоятельств – войн, миграций, климата, популяции и, конечно, религии он начал эволюционировать с разной скоростью, а кое-где так и застыл в раннем средневековье.

Система Грандоны-Харрисона давала возможность спроецировать её на русскую культуру, давала возможность выявить те психологические установки, от которых желательно избавляться, если мы хотим развиваться. Пренебрежение к закону, разнузданность власти, неготовность людей к взаимному сотрудничеству, пассивность при столкновении с трудностями, отсутствие гражданского сознания и крайне эгоистическое преследование личных интересов – вот главные черты крестьянского сознания. Конечно, эти малоприятные проблемы встречаются и в других странах, даже в таких, как Америка или Швеция. Но, в России, так же как и в Латинской Америке и в Африке, вышеперечисленные явления исключительно остры и играют колоссальную роль в торможении развития общества.

Мне кажется, что определение «крестьянская культура» сбивает с толку, несмотря на свою историческую точность. Многие воспринимают это определение ложно. Даже Евгений Ясин, когда я назвал Россию страной с крестьянской ментальностью, вмешался в полемику и заявил, что большая часть российского населения теперь живет в городах. В том то и дело, что крестьянская этика сохраняется не только среди тех, кто работает на земле, её придерживаются и те, кто работает на заводах, в

банках, и даже в Кремле! Можно забыть своих крестьянских пращуров, но исповедовать те же самые ценности, хотя бы принцип доверия только самым близким, желательно родственникам...

Итак, анализ основополагающих ценностей и позволяет определить, насколько изучаемая ментальность способна к восприятию нового и совершенствованию. Это как раз тот инструмент, думал я, который может помочь нам изучить русский национальный этический код и нащупать пути реформы национального сознания. В надежде услышать откровения по интересующему меня вопросу я шел на эту конференцию.

Можно только сожалеть, что Евгений Ясин и его «Высшая школа экономики» – может быть, единственная в стране научная организация, всерьез обратившаяся к проблемам, которые могут пролить свет на причины провала всех попыток Российской власти направить страну по пути модернизации. Так как эти попытки можно наблюдать по крайней мере в течение последних трехсот лет, я поражаюсь, что правительство России до сих пор не понимает, что необходимо научное исследование национального менталитета. Разве не нужно нам научное обоснование хотя бы того факта, что огромное большинство русского народа не желает принимать участия в строительстве своего общества? Надо найти научное обоснование того, что до сих пор российская нация и власть – два несоприкасающихся субъекта, что для русского человека государство трансцендентно.

Как ни печально, но мысль марксиста Плеханова о том, что демократия в России начала XX века была невозможна, ибо не было исторических предпосылок для ее развития, до сих пор очень актуальна.

Один африканский ученый так охарактеризовал положение своей страны – «У нас hardware демократический, но software у нас авторитарный». Я это определение могу напрямую отнести и к России. Так вот, как быть с нашим русским «software»? Надо перезагружать программу. Нужны программисты. И я надеялся увидеть их на конференции. Типология Мариано Грандона многое прояснила мне в моих размышлениях. Наиболее успокаивающим для меня было вывод, что при всех различиях национальных культур есть нечто общее для всех наций с инертным сознанием, и что крестьянское сознание пока еще доминирует в большинстве стран мира. Это как-то успокоило – «слава Богу, мы не одни такие остались в мире!»

Ценности и верования инертного сознания определяют не только политику и экономику инертной страны, но влияют на более глобальные процессы. Наглядно это сейчас наблюдается в Европейском Союзе. Не кажется ли Вам, что Европейский Союз, увлеченный идеей создания Единой Европы с единым рынком, валютой и экономическими правилами, неожиданно столкнулся с неожиданным фактом, который сегодня грозит в определенном смысле единству союза? Оказалось, что некоторые страны отличаются от других своим пониманием экономической дисциплины, которая на них была спущена из Брюсселя. Кризис Греции, грядущий возможный кризис в Испании, в некоторых других странах, ясно доказывает, что этические ценности в разных европейских странах далеко не однородны. Я не удивлюсь, если подобные же проблемы возникнут у Болгарии или Румынии, и встанет вопрос о сужении зоны евро, а значит и о распаде Большой Европы. Я даже рискну утверждать, что в чем-то Вацлав Клаус был пророчески прав, когда выступил против объединенной Европы, чем вызвал священный гнев президента Баррозо и беспрецедентное давление Брюсселя.

Но мне кажется не случайным тот факт, что Греция принадлежит к Православной христианской традиции.

Мало кто сомневается, что религия является одним из определяющих факторов формирования национальной культуры и ментальности. Но мало кто признаёт, что крестьянское сознание в странах юго-восточной Европы и России сохранилось из-за византийского наследия. Можно без труда обнаружить, что в странах Восточного христианства буржуазия как политический и экономический класс начала складываться по крайней мере на пять веков позже, чем в Западной Европе. При сравнительной характеристике трех основных христианских конфессий в Европе, согласно индексу человеческого развития ООН (самая развитая страна – 1, самая отсталая – 162), показатели таковы:

протестантские страны – 9.2

католические – 17.4

православие – 62.6

Цифры убедительные. Мне подумалось, что какие-то проблемы в нашей стране связаны с нежестким этическим кодом Православия. Например, понятие греха в Православии искупается раскаянием и исповедью в храме. Православный Бог очень добр – он прощает многое, если искренне раскаяться на исповеди. Недаром у Восточной Церкви нет понятия «смертный грех», когда совершивший его неизбежно будет лишен благодати Божьей и будет гореть в аду. Если первоклассников спросить, какого

учителя они хотят, доброго или строгого, то они, конечно, выберут доброго – ведь тогда можно будет шалить! Лев Толстой написал по этому поводу: «В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением.» Не здесь ли коренится легкое отношение к закону – нарушение которого человеком православного вероисповедания не приводит ни к Божьей, ни к Кесаревой каре? Однако можно заметить, что существуют и различия в разных Православных странах. В Греции можно наблюдать больше терпимости, как к инаковерующим, так и к образу жизни священников. Например, в Греции священник может играть в футбол или служить совместную службу с католическим священником и т.д. Почему греки другие? Почему православные славяне мыслят иначе, чем католики?

Конечно, климат и история имеют значение, но, на мой взгляд, главная причина кроется в характере распространения Восточного вероучения.

Первое тысячелетие новой эры христианство развивалось неотрывно от великих традиций античной философской школы – труды Платона, Аристотеля, Плотина были хорошо известны, и поэтому не вставало вопроса, должен ли богослов размышлять. Святоотеческие труды Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого и других почитаемых нами святых ясно показывают, что они знали как греческий, так и латинский языки и свободно оперировали абстрактными философскими категориями. Богословские школы раннего христианства давали знание не только языков, но и диалектики, схоластики, риторики, а также геометрии, астрономии и даже музыки. Можно сказать, что богословская среда и была интеллектуальной элитой Европы, даже и после разветвления Христианства на две ветви. Однако перевод Завета на славянский язык Кириллом и Мефодием, при всей колоссальной гуманистической значимости привнесения учения в широкие массы, имел один существенный недостаток. Греческий язык и латынь остались вне пределов досягаемости, вместе со всем бесценным научным инструментарием. Языки, дающие ключ к античной мудрости, были на Руси практически неизвестны. Это изолировало Русь от великих европейских традиции греческо-римской схоластики, от **критического осмысления** любой идеи, в том числе и религиозной. На Руси не имели никакого представления о политической и правовой культуре классической античности. Изоляция от античной и средневековой богословской и философской мысли во многом способствовала дальнейшему расколу христианского мира. Как пишут историки Карацуба, Курукин и Соколов в книге «Выбирая свою историю», «... Русь упустила опыт западно-европейской схоластики, опыт открытой богословской дискуссии. Признаком подлинного благочестия на Руси стал считаться нерассуждающий разум («не должно смети иметь мнение; «не чти много книг, да не во ересь впадеши»»).»

Вот что по этому поводу пишет выдающийся русский историк Ключевский: «Вместе с великими благами, какие принесло нам византийское влияние, мы вынесли из него и один большой недостаток. Источником этого недостатка было одно – излишество самого влияния. Целые века греческие, а за ними и русские пастыри... приучали нас веровать, во все веровать и всему веровать. Это было очень хорошо, потому что в том возрасте,... в те века, вера была единственная сила, которая могла создать сносное нравственное общежитие. Но не хорошо было то, что при этом нам **запрещали размышлять**, – и это было нехорошо больше всего потому, что мы и без того не имели охоты к этому занятию. Нас предостерегали от злоупотребления мыслью, когда мы еще не знали, как следует употреблять ее... Нам твердили: веруй, но не умствуй. Мы стали бояться мысли, как греха, раньше, чем умели мыслить, мы стали бояться пытливого разума, как соблазнителя, прежде чем пробудилась у нас пыливость. Потому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы ее принимали на веру. Вышло, что научные истины мы превращали в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем научных суеверий и предрассудков. Мы вольнодумничали по-старообрядчески, вольтерьянствовали по-аввакумовски... Менялось содержание мысли, но метод мышления оставался прежний. Под византийским влиянием мы были холопы чужой веры, под западно-европейским стали холопами чужой мысли. (Мысль без морали – недомыслие; мораль без мысли – фанатизм)... » Великий Ключевский!

Он коснулся самого нерва русской ментальности – МЕТОД МЫШЛЕНИЯ! Вера, исключая размышления, обречена на фанатизм. Нетерпимость к инакомыслию. Многочисленные примеры из истории Руси подтверждают, что нетерпимость к новшествам коренится в самых ее недрах.

Все, сказанное Ключевским и другими, ни в коей мере не отрицает великой духовной ценности русского Православия – сам Ключевский был верующим человеком, но, как человек мыслящий, он анализировал те стороны русской ментальности, которые ему казались недостатками, и искал этому объяснения. В любом случае, причины инертности нашей культуры – это первый шаг к избавлению от них. Православие, как формирующая часть русской культуры, было и остается главным духовным источником российского миропонимания, и никакие силы не смогли искоренить его из русского сознания, как ни старались революционные реформаторы огнем и мечом заставить народ отречься от него. Но эволюция свойственна всему живому, ее нельзя остановить, можно только замедлить. Некоторое «осмысление» ценностной системы Православия неизбежно ради самой жизнеспособности этого животворящего учения.

Естественно, мои размышления не претендуют на научные утверждения. Эта достаточно упрощенная классификация, если доводить ее до конца, может показаться дилетантской. Но даже если кому-то она покажется поверхностной, предложенный способ разграничения предлагает некую точку зрения, точку опоры для того, кто хочет РАЗМЫШЛЯТЬ и СРАВНИВАТЬ, для, может быть, более добросовестного исследования.

И тем не менее, оценка роли Православия в развитии России – взрывоопасная тема. Она рискует вызвать взрыв негодования, болезненную волну возмущения и подспудно дремлющее чувство собственной неполноценности. И поэтому, не желая касаться больной темы, политики и экономисты предпочитают не размышлять о влиянии культурных и религиозных ценностей на развитие общества. Они предпочитают ссылаться на неудачные политические решения, плохих правителей, на слабость социальных институтов или недостаточное гражданское общество – всё это позволяет им «оберегать» политически некорректную проблему. Но историческая необходимость ускорения процесса заставит, в конце концов, задуматься, какое наследие в основе нашей культуры тормозит развитие нашего общества.

В принципе, Россия представляет собой «энигму» не только для Запада – всем знакомо выражение «crazy russian» (сумасшедшие русские) – Россия остаётся «энigmой» для самих русских, и, к сожалению, мы не пытаемся ее расшифровать. Мне неизвестен какой-либо институт, который по заказу правительства работал бы над изучением типологии российского менталитета. Изучал бы для практического применения, хотя бы для того, чтобы иметь возможность определить, какова будет реакция народа на тот или иной шаг Правительства.

Я бы мечтал получить вразумительные ответы на многие вопросы, связанные с моей страной. Приведу три из них.

Почему в России с XIV века так и не возникло буржуазного сознания, и почему в России со времени перестройки не появилось среднего класса? Средний класс – это не объём потребительской корзины, не автомобиль «Мерседес» и не вилла в Монако. Средний класс – это мировоззрение, сформированное экономической независимостью от власти и, как следствие, создание партии для политической независимости.

Ещё вопрос «на засыпку»: почему в России в мирное время опасно служить в армии? Смертельных случаев в российской армии в мирное время больше, чем в Ираке и Афганистане вместе взятых за всё время последних военных кампаний. Чем это объяснить?

И совсем простой вопрос: почему русские могут построить ракету и полететь в космос, но автомобиль приличный сделать не могут?

Есть такой популярная российская кинокомедия – «Национальные особенности русской охоты». Думаю, те, кто ее видел, могут представить себя ещё ряд подобных фильмов – «Национальные особенности русского банковского дела» или «Национальные особенности русского автомобилестроения».

Есть что-то такое специфическое, что мешает нам создавать качественные простые вещи. А архисложные вещи у нас получаются превосходно!

Если мы задумаемся над глубинными причинно-следственными связями в поисках ответов на такие различные вопросы, то можем натолкнуться на одну общую причину. Ответ на последний вопрос будет несложен – если ракета не полетит, то кого-то очень строго накажут. В другие времена расстреляли бы. Что это значит?

Это значит, что в областях ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ существует высокая система ПЕРСОНАЛЬНОЙ ответственности. Как писал великий писатель Чехов в «Острове Сахалин»: «Если в сортире воняет, и никакой жизни нет от воровства, то виноваты все, а значит никто». «Никто» не виноват, ибо отсутствует, как принцип, понятие индивидуальной ответственности.

Итак – 1) узкий круг доверия, 2) отсутствие чувства личной ответственности, 3) отсутствие страха нарушить закон – это лишь несколько типологических национальных черт, которые определяют повседневную жизнь русского человека. Эта «система» у нас до сих пор царствует, и я не знаю, когда мы от неё избавимся. Мне вспоминается ставшая легендой забавная история с Твардовским, который хотел опубликовать «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына в своём журнале «Новый мир», главным редактором которого являлся. В 1962 году это было настолько революционное решение, что Твардовский, безусловно, в то время не мог осуществить подобную публикацию без разрешения ЦК. Он прошёл в отдел культуры ЦК, где зав. отделом Черноуцан прочитал и сказал: «Здорово! Но там, – он указал пальцем вверх, – нас не поймут». Твардовский взял

повесть и пошёл к помощнику Хрущёва по культуре Лебедеву. Тот прочитал и сказал: «Талант баснословный! Но там, – он тоже указал пальцем на потолок, – нас не поймут». Твардовский тогда отправился с повестью к главному идеологу страны Суслову. Суслов прочитал и сказал: «Хорошо! Но там, – он указал пальцем на потолок, – нас не поймут». Твардовский добился встречи с Хрущёвым, которому «Ивана Денисовича» уже прочитал вслух его помощник Лебедев. Хрущёв вызвал Твардовского и сказал ему: «Да, считаю, вещь сильная, очень. Но, боюсь, они – он указал пальцем вниз, – нас не поймут». Это говорит о том, насколько все – «снизу» и до самого «верха» – являются заложниками этой системы.

Поэтому мне кажется, что самая сложная задача, стоящая перед российским правительством – это попытаться внедрить в русское общество систему индивидуального и коллективного чувства ответственности.

Я убежден, что русские «национальные особенности» таят в себе скрытые силы, не только конструктивные, но и разрушительные, которые могут оказать более глубокое влияние на течение событий в России, чем действия внешних сил, будь то США, Китай или глобализация.

Я также убежден, что мы не сможем создать гражданское общество, если не расшифруем хотя бы на поверхностном уровне этические установки, убеждения и приоритеты российского ума, которые тормозят ее развитие.

Я все не теряю надежды, что можно выделить основной этический принцип, этакий «философский камень», можно сказать, *ресурс*, порождающий большинство следующих связей. И я, поймав в коридоре Грондона, пристал к нему с этим вопросом. Я спросил его, не кажется ли ему, что основополагающим принципом динамической культуры стал принцип индивидуальной ответственности человека перед Богом. Ведь этот принцип породил то, что называется «отчуждение самосознания», а как следствие – целый ряд новых качеств: ирокий круг доверия, самоидентификация с проблемами других, высокая требовательность к качеству своего труда и т.д. Мне очень хотелось услышать чьи-нибудь мысли по этому поводу. Я нагнал Грондону в коридоре и задал ему этот вопрос. К сожалению, Грондон отделался вежливой фразой «очень интересно», и устремился в мужской туалет, его можно было понять – доклады были продолжительны. Кстати, большинство докладов, посвященных России, были замкнуты на проблемах, выражающихся в цифрах, графиках и сравнительных характеристиках России с другими более благополучными странами. Не хочу сказать, что работы и исследования, которые были представлены, были несущественны, наоборот, они были содержательны, полезны и аргументированы. Но у меня создалось впечатление, что никто из российских ученых не придает никакого значения типологии культурных особенностей Грондона-Харрисона – этой, я бы сказал, таблице Менделеева в сфере культурологи. Во всяком случае, я не слышал ни одной ссылки на этот уникальный методологический инструмент.

Из докладов российских экономистов, меня впечатлила одна работа – работа Ясина, Лебедевой и Татарко – «Вектор развития стран в едином пространстве ценностных измерений». В ней, как, впрочем, и в других работах, убедительно доказано довольно грустное состояние русского менталитета, далёкого ещё от общественного сознания передовых демократических стран. Но рекомендации в них отсутствовали. Вообще, на конференции не прозвучало ни одного действенного совета, пусть ошибочного, но ищущего ответ на вопрос – что делать, как толкнуть российское сознание на путь развития? Каждый раз, когда я задавал этот вопрос, в ответ мямлилось что-то аморфно политически корректное, типа, «нам нужно становиться более ответственными» или «пока мы не поймем что... мы не сможем» и т.д. Я вынужден был взять слово и заметить, что если обобщить все доклады о России, то возникнет ощущение консилиума докторов, которые с прискорбием констатируют, что пациент опасно болен, но, вместо назначения лечения, заявляют, что было бы неплохо, если бы он выздоровел. Это и так все знают! – хотелось воскликнуть мне. Но, господа ученые – как лечить?! Где лекарство?! Когда Надежда Лебедева констатировала всем известную истину, что в России очень сильна иерархическая система, я в очередной раз спросил, какие меры предлагаются для того, чтобы общество избавилось от этого порока? Честно говоря, я был бы рад услышать искреннее «Я не знаю!» Но, вместо этого уважаемый Евгений Ясин заявил, что лучшим «лекарством» от иерархии является демократия. На мой вопрос, а как, собственно, эта демократия возникнет в России, Ясин ответил: «Погодите, недолго ждать!». Эта мысль из уст уважаемого экономиста повергла меня в ступор. Я подумал, как же мы все по-разному представляем себе понятие «демократия»! Как все-таки живуча это типично русская либеральная мечта, что демократия где-то рядом, за углом! Профессор Ясин добавил, что проблема России в том, что её правители хотят быть тиранами, что все требуют немедленно вертикали власти, и это большой недостаток. И в этом мне тоже увиделось пагубная тенденция выбирать между желательным и нежелательным, игнорируя объективное наличие возможного и невозможного. Вот важный вопрос – демократия – это причина или следствие? Если Евгений Ясин считает, что в результате демократии может появиться новая ментальность и исчезнет иерархия, то какие силы, как он думает, установят эту демократию в России? С таким же успехом можно переставить понятия и сказать, что лучшим лекарством от авторитаризма является равноправие и отсутствие иерархии. На мой взгляд, это трагическое заблуждение. Демократия не может быть причиной, демократия – это следствие какой-то эволюции фундаментальных типологических ценностей в ментальности народа, которые

пробудят в нем стремление к гражданскому обществу, а в конечном итоге к демократии. В итоге, можно констатировать, ведущие интеллектуалы, социологи, экономисты России в достаточной мере не понимают, какие элементы культуры помогут нам увидеть, как культура влияет на прогресс. Они, в принципе, оказались не готовы обсуждать меры, способствующие изменениям.

Английский учёный Джон Грей, знаменитый своим презрением к политической корректности, написал: «В XXI веке мир наполнен грандиозными руинами несостоявшихся утопий XX века. Неужели сейчас нам предстоит строить прекрасную иллюзию вновь?»

Интересно, что сейчас, после обвала всей финансовой системы либерального мира, мысли Джона Грея звучат особенно отрезвляюще. Например, Грей утверждает, что если научное знание человечества аккумулятивно, то есть постоянно обновляется и растёт, то человеческая этика – не прогрессирует. Что если наука постоянно расширяет круг познаний окружающего мира и вооружает человека его способностью трансформировать природу, то человеческая этика осталась такой же, какой была три тысячи лет назад. То этическое, что достигнуто в одном поколении, утверждает Грей, может быть утеряно в следующем. Это очень глубокая мысль. Человечество расширяет свои технические и научные возможности, совершенствует свои средства коммуникации, стремясь переделать мир, а человеческая этика остаётся такой же, какой она была тысячи лет назад. Человек так же боится голода, нищеты, унижения и смерти, как и его предки. Современного человека можно за несколько часов превратить в жалкое дрожащее существо, в животное. И для этого не нужно быть узником иракской тюрьмы Абу-Грейб, достаточно быть её тюремщиком. И фото американских солдат, издевающихся над заключёнными – прямое этому доказательство. Джон Грей утверждает, что любая цивилизация достигает своего расцвета и возвращается к упадку. Мы должны об этом всегда помнить, и мне кажется, что в этом смысле либералы старательно избегают политически некорректных сомнений, предпочитая придерживаться убаюкивающих наше сознание иллюзий.

Сейчас я выскажу ещё одну политически некорректную мысль. Яркий и парадоксальный социолог Александр Зиновьев утверждал, что мы рассуждаем о развитии общества исходя из устаревшей концепции XX века, исходящей из убеждения, что человечество через пробы и ошибки движется к как бы неизбежной демократической модели общества. После распада соцлагеря Фукуяма даже расстроился, написав о конце истории. Но в мире, на деле, происходит уже новый процесс. В разных странах происходит медленное, но неуклонное слияние трех властвующих элит – политической, финансовой и медиа. Конечно, эта монополизация властью информационного медиапространства происходит с разной степенью откровенности. В России, к тому же, законодательная, исполнительная и судебная ветви власти слились в один монолитный институт. Но в связи с этими процессами беспрецедентно возрастает роль этих властвующих элит в конструкции социальных систем. В разных обществах происходит формирование конгломерата, который Александр Зиновьев назвал «сверхвластью». Он писал: «В мире наступает постдемократическая эпоха. Не только в развивающихся, но и в развитых странах происходит ограничение гражданской демократии. Мир переходит от уровня общества к «сверхобществу». И, естественно, что качество влияния властного конгломерата на исторический процесс увеличилось. Зиновьев даже утверждает, что мы входим в эпоху «планируемой истории». Я уже вижу иронические улыбки на лицах читателей, но, тем не менее, сегодня моя задача – это подлить масла в костер вашей фантазии. Если на секунду предположить, что эти утверждения небезосновательны, то можно представить себе, что «сверхвласти» может потребоваться научное понимание реальности, которое невозможно без понимания культурного кода своей страны. И если трезво посмотреть в лицо такой реальности, то можно сказать, что роль культурологии – помочь сверхвласти, если она осознает необходимость реформы национального сознания, дать ей инструмент анализа.

Я задаю себе вопрос в отношении России – возможно ли выработать тот инструментарий, те методы, которые позволили бы внедрить в российское сознание хотя бы понятие Индивидуальной Анонимной Ответственности. С точки зрения психолога-бихевиориста, ответственность есть следствие страха нарушить закон, ибо его нарушение ведёт к наказанию. Кто работал в США, знает, какой ужас вызывает у рядового американца звонок IRS (налоговой инспекции). Как ни парадоксально, но этот страх, этот сознательный отказ от нарушения закона и есть основа свободы. Ведь неважно, чего ты боишься, Божьей кары или государственного суда, важно, что ты не преступаешь закон – здесь и начинается свобода.

Я часто думаю о том, как много компонентов и как много веков требовалось истории, чтобы выковать ту или иную национальную этику или ментальность. Устойчивость этих формирований может быть сродни только устойчивости экосистемы. Экосистему резко нельзя изменить, её можно только разрушить. И в этом смысле требуются новые уровни познания или политики, чтобы пытаться воздействовать на такие тонкие и одновременно устойчивые формирования – такие, как экосистема, или национальное сознание.

Попытки изменить национальную культуру при помощи политики грубой силы приводит к результату обратному – культура успешно сопротивляется. Это видно на примере Ирака и Афганистана. Я в давно уже заявляю, что Буш-младший по праву может называться большевиком, потому что методы, которыми он пользовался, ничем не отличались от методов Сталина или Мао. С помощью штыков и введения декретов надеяться изменить национальное сознание наивно. Так же наивно, как сжигать

деревянных идолов, чтобы обратить людей в другую веру, либо стричь бороды, чтобы сделать их европейцами. Эти механические способы сродни средневековой науке. Но мы живём сейчас в гораздо более удивительном мире, когда законы физики постоянно обогащаются, а законы механики, благодаря нанотехнологиям, открывают новые горизонты по использованию любых химических элементов, нарушая этим все привычные представления о физических свойствах этих элементов. Мы живём в то время, когда медицина стоит на пороге великих открытий – увеличения продолжительности жизни, а генетические открытия раскрывают новые тончайшие механизмы управления человеческим организмом и органической жизнью. Мы живём в такое время, когда начинаем понимать, что экология планеты – хрупкая, но могущественная структура – противостоит деятельности человека на Земле.

Но мы пока еще далеки от того, чтобы понимать, какие тонкие инструменты нелинейного мышления нужны нам, чтобы влиять на национальную культуру. Здесь приходит на ум одно высказывание культуролога Теодоре Москосо, который 20 лет работал в Латинской Америке (его процитировал в одной из своих книг Лоуренс Харрисон): «Случай Латинской Америки настолько сложен, из него так трудно найти выход, здесь так много горя и опасностей для людей и всего мира, что можно без преувеличения говорить о муках. Чем дольше я живу, тем больше понимаю: так же как один человек не в состоянии спасти другого, если у того нет воли спастись самому, так и одна страна, движимая самыми благими намерениями, не может спасти другую, как бы она не старалась, если у этой страны самой нет желания спасти себя».

У России пока не наблюдается желания спасать себя, мы ищем виноватых где угодно, только не в своей культуре. И такая грандиозная задача, как ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ, будет решена, только если политические, интеллектуальные и другие общественные лидеры России осознают, что ряд традиционных ценностей препятствуют созданию общества, устремленного к демократии и социальной справедливости. Просто любые попытки реализовать эти рекомендации извне какими-то иностранными советчиками или государством обречены на неудачу.

У Эйнштейна как-то спросили, что помогло ему открыть революционные законы физики. «Это очень просто, – ответил ученый, – «я просто прислушался к голосу природы.» «Если бы это было просто, – возразили ему, – то многие были бы способны открыть теорию относительности.» «Да, это так, – ответил Эйнштейн, – но у природы голос очень тихий, а у меня очень хороший слух...» Я жажду, чтобы у человечества появился этот абсолютный слух, который мог бы услышать вселенский шепот природы, сформировавшей все национальные особенности человечества. И если мы услышим этот голос, мы поймем, как помочь странам с инертным сознанием открыться для нового, для процветания и равноправия.

Фото сайта konchalovsky.ru

